

Петр Моисеев

Эраст Фандорин как двигатель русского детектива



«Год литературы», 9 марта 2018

Последняя (по уверениям автора) книга о Фандорине — хороший повод поразмышлять над тем, как фандориана обогатила сам жанр русского детектива.

Писатель и сам высказывался на эту, точнее, на близкую тему — на рубеже 90-х и 2000-х, когда к нему пришла слава: дескать, хорошей развлекательной литературы у нас, кроме «Двух капитанов», нет — а теперь вот будет. Интересно, что говорил он не о детективе как таковом, а о развлекательной литературе вообще. Это, впрочем, объяснимо: судя по всему, детективный жанр в узком смысле слова Акунина слишком сильно никогда не интересовал; не больше, чем приключенческий, например. Он и написал-то детективов не так много: о Фандорине — два романа, две пьесы «Инь и Ян», да несколько рассказов; еще два романа о Пелагии и одну повесть о немецком шпионе Зеппе («Летающий слон»).

Тем удивительнее, что роль Акунина в истории русского детектива велика и благотворна. Хотя он даже не был первым. Русских детективистов «доакунинского» периода наберется, пожалуй, с десяток — от Павла Шестакова и Виктора Смирнова до Чингиза Абдуллаева. Были среди них и такие, кто по литературному и детективному мастерству Акунину ничем не уступал — Инна Булгакова, например. И все же именно после Акунина русский детектив переходит в новую стадию своего существования. Если угодно,

Акунин — это наш Конан Дойль.



Конечно, его очень грамотно рекламировали: «Не стесняйтесь, не стесняйтесь, это хотя и детектив, но интеллигенции его читать не стыдно». Но — странное дело — это оказался тот случай, когда рекламировали именно того, кого надо. И почти при этом не привирали. То есть детектив, он и так в основном для интеллигенции — кому еще нужны логические выкладки и анализ версий? С другой стороны, детектив — особенно в России — оказался сильно скомпрометирован: кто-то путал его с боевиком, кто-то — с полицейским (у нас — «милицейским») романом, кто-то, воспитанный в Советском Союзе, просто знал, что детектив — это плохо, потому что безыдейно, кто-то зачитывался Агатой Кристи, но не ждал ничего от отечественных авторов.

Акунин блестяще продемонстрировал — в «Левиафане», в «Коронации», в «Белом бульдоге», «Черном монахе», — что

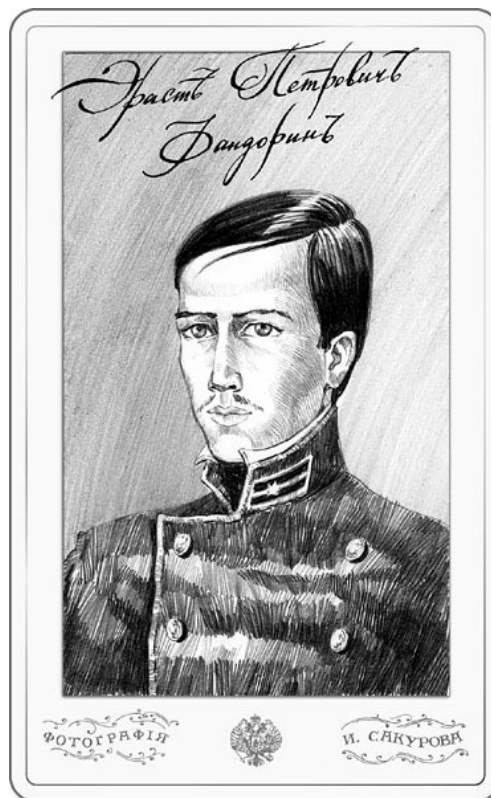
в детективе должна быть загадка и что русскому писателю она подвластна не меньше, чем английскому.

Больше того: хотя он и рекламировался как детективист для «высоколобых» читателей, однако оказался способен охватить настолько широкую аудиторию, насколько это вообще возможно для детектива. Скажем, хорошая детективистка Булгакова — писательница для интеллигенции *по преимуществу*; Акунина же оценит и читатель не слишком опытный (и этим Акунин тоже напоминает Конан Дойля).

И — в России пробудился интерес к детективу. Причем как у читателей, так и у писателей и издателей. Разумеется, криминальная мелодрама, боевик и триллер тоже никуда не делись, но все же климат потеплел. До Акунина авторы вроде Данилина, Любенко, Чиж, Яковлевой, во-первых, писали бы совсем иначе, а во-вторых, вполне возможно, и вовсе не нашли бы своего издателя, а если бы нашли — могли бы оказаться практически незамеченными (разве можно сказать, что в начале 90-х по-настоящему заметили Элизабет Ролле?).

Кроме того, Акунин дал русскому детективу героя.

Какими бы достоинствами ни обладали детективы Шестакова или, скажем, Пронина — образа столь удачного, как Фандорин (и Пелагия), в них нет. Конечно, даже в лучших книгах Акунина Фандорин гораздо чаще прыгает с крыш и выбивает оружие левой пяткой — но ведь и дедуцирует тоже!



Однако и это еще не все: те немногие детективы, которые написал Акунин, были написаны действительно правильно и даже — новаторски. В свое время рекламная кампания первых «Фандориных» и «Пелагий» включала почти ритуальные упоминания об акунинском «постмодернизме». Время, что и говорить, было суровое, и сейчас эти разговоры просто никто не вспоминает — неловко, мода-то сменилась. Однако реминисценции из русской классики у Акунина действительно были и, хотя постмодернист из него примерно такой же, как из Веры Белоусовой, реминисценции эти были очень важны и уместны. Штука здесь вот в чем:

детектив — жанр, имеющий очень отдаленное отношение к так называемой реальности.

Увидеть в нем изображение эпохи, живые портреты современников и т. п. можно только при наличии изрядной доли наивности. Безусловно, какая-то связь со временем написания и временем действия всегда присутствует; скажем, Россия в русских детективах должна быть в общем и целом похожа на Россию, а не на Англию, но в основном мир детективов вполне условен — недаром же еще Эдгар По местом действия «дюпеновской» трилогии сделал Францию, о которой его читателям были известны лишь пара общих мест.

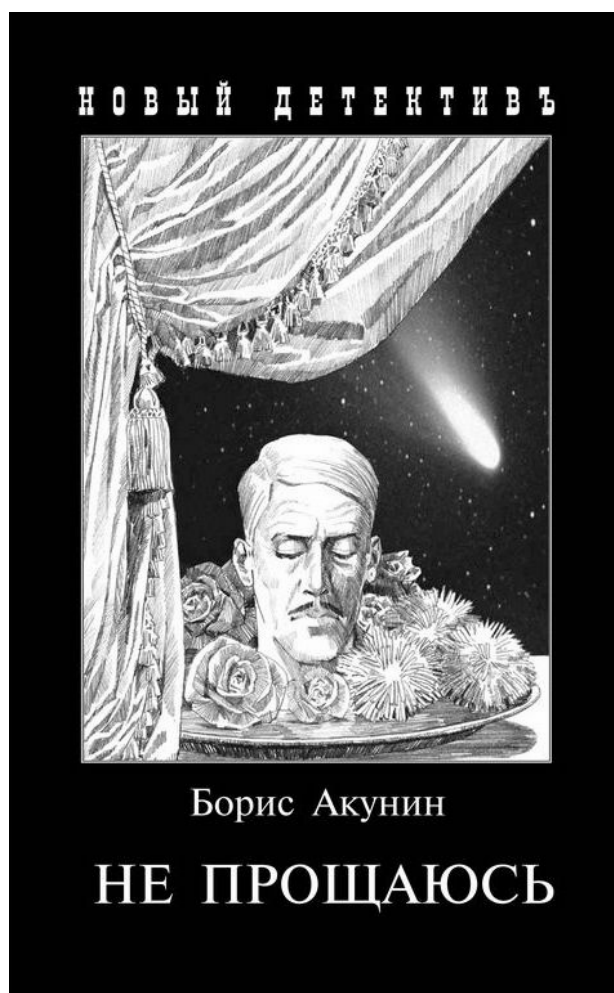
Такой Францией для Акунина стала Россия XIX — начала XX века. Но мир книги должен быть все-таки убедительным, хотя детективист не имеет возможности долго его выстраивать и подробно описывать. И Акунин помещает своих героев в мир, одновременно нереалистичский и знакомый; в мир, в котором персонажи и декорации что-то нам *неуловимо* напоминают. Эта неуловимость важна: когда Акунин селил героев в мирах конкретных классических произведений («Чайки», «Преступления и наказания»), выходило плохо. Когда мир Пелагии напоминал одновременно Лескова, Достоевского, Мельникова-Печерского и *что-то еще* — выходило очень хорошо. К подлинной России того времени эти книги имеют примерно такое же отношение, какое книги Конан Дойля, Агаты Кристи или Дороти Сэйерс — к современной им Англии. Но для детектива такие декорации оказались идеальными. И не случайно так называемый ретродетектив оказался столь популярен в

России; о расцвете жанра говорить нельзя (хочется верить, что *еще* нельзя), но адекватная форма найдена (или, во всяком случае, одна из них).

Увы: дав такой сильный толчок развитию жанра, сам Акунин очень быстро устал. Уже седьмая книга о Фандорине имела подзаголовок «Последний из романов», хотя в финале этого — все-таки не последнего — «фандоринского» томика Акунин старательно делал вид, что имел в виду совсем *не то*. Теперь, когда мы имели возможность проследить всю деградацию автора и героя, начиная с «Любовников смерти», очевидно, что именно *то*: писатель устал (современные писатели вообще очень быстро устают). За три последних года прошлого века он выпустил о Фандорине семь книг, за последующие восемнадцать — девять. Из этих девяти лучше других оказались первая часть «Алмазной колесницы» (вторая убедительно доказывает, что идти на поводу у издателя — вредно и опасно), отдельные вещи из сборника «Нефритовые четки» («Чаепитие в Бристоле», «Перед концом света», «Table-talk 1882 года», еще кое-что), «Инь и Ян».

«Любовники смерти», «Весь мир — театр», «Черный город», «Планета Вода» — не всегда занимательные и часто бульварные романы про не слишком умного «русского Бонда».

Последняя книга о Фандорине мало похожа на все предыдущие. Например, потому, что это и не роман, и не сборник повестей, а скорее роман в повестях.



Истории здесь вроде бы и отдельные, но, по большому счету, как раз эти отдельные истории не важны. До сих пор — даже в слабых вещах цикла — герой не заслонял собой сюжета. В «Не прощаюсь» произошло именно это. С другой стороны, как раз «Не прощаюсь» читать интереснее, чем какой-нибудь «Весь мир театр» — видно, что прощание с Фандориным не оставило самого автора равнодушным. Обычно, когда Акунин пытался писать трагедии, это

оборачивалось скорее мелодрамой с сильной примесью садизма — как во «Временах года» или «Князе Ключеве». Финал «Не прощаюсь» тоже мелодраматичен, но это уже мелодрама вполне достойная — достойная лучших страниц Дюма, например.

Книга получилась достаточно живой еще и потому, что русская революция автору, как мыслящему человеку, тоже интересна. Правда, на роль Бабея или Булгакова Акунин плохо годится; как это ни забавно, но у столь яркого антисоветчика и «красные» получились вполне «советские» («идейные большевики»), и появляющийся в первой повести священник словно сошел со страниц очень плохой агитки (невежество Акунина во всем, что связано с христианством, сравнимо лишь с упорством, с каким он возвращается к этой теме). Столь же неубедителен переход Романова на сторону большевиков; не потому, что таких переходов не было на самом деле — их много было, — а потому, что здесь в это просто не веришь. И все-таки, каковы бы ни были художественные просчеты и провалы Акунина, лучшие его произведения останутся в русской беллетристике надолго. За них — спасибо.

[2018]

<https://godliteratury.ru/projects/boris-akunin-i-russkiy-detektiv>